

котором такие следы были выявлены, они являются компонентом события-следствия, а с другой – в реконструированном виде предстают как компоненты события-причины.

И наконец, третья группа образуется из следов-предметов, которые вне зависимости от сохранности характеристик в результате совершения преступления являются носителями трасологических следов (например, лаковая сумка для следов пальцев рук) либо следов-веществ (например, объектив камеры видеонаблюдения для следа вещества – алкидной эмали). С причинной точки зрения такие следы-предметы являются компонентами события-причины.

С пространственной точки зрения указанные причинные группы следов на месте происшествия могут или занимать разные участки, или сосуществовать, например, путем наложения либо замещения, разделяя при этом полностью либо в части некоторый участок. Интерпретация хронологической последовательности расположения следов указанных групп определяется последовательностью стадий конкретного способа преступления.

Рассмотренные положения причинной дифференциации обстановки позволяют получить детальное представление о событии преступления, выдвинуть надлежащие криминалистические версии, а также уточнить приемы использования технических, тактических и методических рекомендаций по осмотру места происшествия. На этой основе для материальной обстановки на месте происшествия может быть составлен своего рода «паспорт причинности», в котором каждому из выявленных объектов будет дана причинная характеристика в зависимости от их связи с причинной группой стадии способа преступления и от их принадлежности к определенной причинной группе следов.

1. Колмаков В.П. Следственный осмотр. М. : Юрид. лит., 1969.

2. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973.

3. Матусовский Г.А. Экономические преступления: криминалистический анализ. Харьков : Консум, 1999.

4. Следы на месте происшествия : справочник следователя / под ред. В.Ф. Статкуса. М. : ВНКЦ МВД СССР, 1991.

5. Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков : РИП «Оригинал», 1995.

УДК 343.98.01

М.В. Галезник

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

До настоящего времени в криминалистике существуют принципиальные дискуссионные взгляды и убеждения о психологическом и физическом воздействии в процессе расследования преступлений. Общепризнанным в юридической науке является то, что по форме внешнего выражения в процессе раскрытия и расследования преступлений воздействие со стороны следователя может быть физическим и психическим [3, с. 173].

При анализе принципиальных основных теоретико-прикладных положений о формах и сущности психологического воздействия представляется целесообразным исходить из следующих взглядов, утверждений ученых.

В юридической психологии воздействие на человека определяется как процесс передачи информации от субъекта воздействия посредством различных методов и средств. Отражение этой информации в психике данного лица способствует вызову соответствующей реакции, которая проявляется в его поведении, деятельности, отношениях и состояниях, становясь доступной для восприятия, воздействующего посредством «обратной связи». Исходя из этого можно утверждать, что всякое общение есть воздействие на субъектов общения, причем такое воздействие – обоюдное [3, с. 173].

Воздействие является обязательным атрибутом любого общения. При общении в процессе расследования преступлений оно становится доминирующим, приобретает формирующий характер. В оперативной и следственной практике под техникой общения принято понимать набор коммуникативных действий и приемов, приводящих к удовлетворению тех или иных социально ценностных потребностей (в познании, лидерстве и т. д.) [11, с. 92].

Решение следователем своих функциональных задач невозможно без активного психологического влияния на участников уголовного процесса.

Термин «психологическое воздействие» указывает на его целевое направление – психику человека. Исходя из этого можно и допустимо говорить о воздействии на мышление, чувства, эмоции, память, волю и т. п.

Представляются дискуссионными попытки некоторых авторов «создать» общение без воздействия. Рассуждения же о правомерности уголовно-процессуального принуждения и в то же время умалчивание о психологическом воздействии, по нашему мнению, являются некорректными и неверными. Подобная точка зрения есть результат игнорирования информационной природы психологического воздействия. Совершенно правильно указывает В.С. Абраменкова, что психическое воздействие – это «процесс передачи информации посредством различных методов и отражение этой информации в психике человека, способной вызвать соответствующую реакцию, которая проявляется в его поведении, отношениях и со-

стояниях, становясь доступной для восприятия со стороны субъекта воздействия» [1, с. 121].

Полагаем, что в рамках данной концепции изначально должна подвергаться анализу не правомерность самого воздействия (дозволение, побуждение или принуждение), а содержание той информации, которая посредством его передается субъекту. Именно она является тем побудителем, который изменяет ход протекания психических процессов лица и учитывается им при выборе линии поведения.

Воздействие в ходе общения (особо наглядно это проявляется при использовании вербальных средств общения) зарождается на языковой основе в психике одного участника и передается с помощью речевых средств (слово, оборот речи и т. п.) и экспрессивно-эмоциональных проявлений (мимика, пантомимика, расстановка в речи экспрессивно-смысловых акцентов и т. п.). По генезису (происхождению) и целевой направленности данное воздействие, безусловно, целесообразно рассматривать как психическое.

Содержание воздействия, по сути, составляет информация, а его форму – способы и приемы общения.

Следует отметить, что общение в процессе расследования преступлений реализуется в таких основных формах, как контактная, информационная, побудительная, координационная, мотивационная и т. д. [10, с. 19].

Психологическое воздействие, реализуемое в процессе раскрытия и расследования преступлений, неотделимо от тактических приемов, средств общения.

На протяжении длительного времени в юридической науке признано целесообразным различать два вида психического воздействия – правомерное и неправомерное.

Основным признаком правомерности психического воздействия признается сохранение подвергающимся воздействию свободы выбора позиции, наличие условий для ее выбора и изложения, непротиворечие воздействия принципам законности и нравственности [3, с. 172–173].

Правомерное психическое влияние формирует позицию человека, его сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредованно приводит к выбору определенной линии поведения, но не диктует конкретное действие, не требует показание того или иного содержания. При этом необходимо учитывать, что «прием, вполне пригодный к применению в одной ситуации, может оказаться противозаконным в другой ситуации. Так, оглашение показаний иных лиц при допросе обвиняемого нередко используется следователем для преодоления неправильной позиции допрашиваемого. Применение такого же приема в процессе очной ставки (непосредственно до дачи показаний и их фиксации в протоколе другим участником) является нарушением процессуального закона» [6, с. 266].

Правомерность воздействия зависит от правомерности средств воздействия. Такие ведущие криминалисты, как Р.С. Белкин, Т.В. Аверьянова, И.Л. Александрова, А.Ф. Волынский, считают, что уже сегодня в криминалистике и судебной психологии сформулированы необходимые условия (критерии) допустимости тактического приема для признания воздействия правомерным. По их мнению, это законность, которую следует понимать как соответствие или непротиворечие требованиям закона; избирательность воздействия, т. е. направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; нравственность, соответствие моральным принципам общества [3, с. 173–174].

В этой связи возникает еще один уточняющий аспект. Это правомерность применения тактических приемов, которые отнесены к числу так называемых психологических хитростей или ловушек, причем последние, по мнению отдельных ученых криминалистов и процессуалистов, связаны с обманом.

Р.С. Белкин констатирует, что на протяжении последних лет за очень редким исключением вопрос о допустимости обмана при расследовании преступлений либо обходится молчанием, либо решается категорически отрицательно [2, с. 101]. Однако сегодня существуют расхождения во взглядах среди криминалистов относительно толкования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего запрещение обмана при расследовании преступлений.

В.А. Образцов утверждает, что «в уголовном процессе не допускаются приемы, основанные на лжи, фальсификации, умалении чести и достоинства людей, крушениях их законных прав, на разжигании национальной, религиозной, классовой розни и вражды, межличностных конфликтов, на провокациях, использовании беспомощного состояния, слабостей и негативных черт личности, на всем том, что способно навредить (унизить, разрушить и т. д.)» [7, с. 222].

Р.С. Белкин придерживается несколько другого мнения по данному вопросу и считает, что правового решения вопроса о допустимости обмана при расследовании преступлений не существует, поскольку слово «обман» прямо не упоминается среди незаконных средств воздействия, закрепленных в УПК. В этом плане можно двояко толковать упоминание в законе «иных незаконных мер» [2, с. 102–103].

Противники использования обмана при расследовании преступлений квалифицируют как обман многие тактические приемы. В число таких приемов включают и те, которые имеют целью, не прибегая ко лжи, создать у подсудимого ситуацию, способствующую при полной свободе выбора линии поведения привести к самообману [2, с. 101–103; 4, с. 22–23; 5, с. 73–75; 7, с. 222; 8, с. 39; 9, с. 20].

По поводу одной из тактических комбинаций, призванной сформировать у подсудимого ошибочное представление об объеме имеющегося у следователя доказательственного материала, писал еще М.С. Строгович: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное „формирование ошибочного представления“ у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно – прямо, словами, а можно это сделать более сложным способом – таким образом, что слова и

предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду – за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не становится допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер» [9, с. 20].

По нашему мнению, нужно согласиться с теми авторами, которые считают, что если следовать подобным рассуждениям [8, с. 39], то обман формально можно усмотреть чуть ли не в каждом тактическом приеме, не говоря уже о тактических комбинациях [2, с. 102].

Полагаем, что наиболее полно и точно содержание этих тактических приемов определил Р.С. Белкин: «это либо приемы сокрытия значимой для дела информации от заинтересованных лиц, либо приемы создания такой обстановки, которая может быть оценена двояко этими лицами, либо приемы формирования у них выгодных для следствия целей» [3, с. 174]. Нужное воздействие эти приемы оказывают, как правило, своим содержанием, временем, местом, а также последовательностью применения. По сути, они на практике представляют собой относительно самостоятельные (локальные) тактические приемы либо взаимосвязанные комплексы приемов в виде тактических комбинаций.

Р.С. Белкин пришел также к выводу и о том, что оба термина «следственные хитрости» и «психологические ловушки» неудачны. Суть их не заключается в том, что предполагается при их буквальном толковании. Их целью является создание условий для формирования у лица, противодействующего следователю, ошибочных представлений о тех или иных обстоятельствах дела, целях следователя и его действиях, состоянии расследования. Это не хитрость и не ловушка, поскольку у этого лица всегда остается свобода выбора и имеются условия для реализации этого выбора [3, с. 174].

При решении данной проблемы представляется целесообразным исходить из того, что существует целый ряд тактических приемов, применяемых на практике, включающих в себя элементы хитрости. Их не только можно, но и нужно взять следователю на вооружение. Криминалистические тактические средства без хитрости теряют свою значимость и ценность.

Особо следует отметить мнение Н.Г. Шурухнова и других ученых, которые считают, что во всех без исключения случаях недопустимо применение «следственных хитростей» и «психологических ловушек» или любых других тактических приемов, которые не по отдельным формальным признакам, а по сути «основаны на обмане; связаны с угрозой и шантажом; сопряжены с физическим и психическим насилием, унижением чести и достоинства допрашиваемого; связаны с понуждением допрашиваемого к даче ложных показаний, оговору и самооговору; основаны на использовании низменных побуждений (корысти, мести и др.), религиозных чувств, невежества и предрассудков допрашиваемых» [12, с. 284].

При наличии разных взглядов на решение рассматриваемой проблемы следует категорично определиться в том, что понимается под обманом со стороны следователя не только по форме, но и по содержанию. Данная и некоторые другие тесно сопряженные с ней проблемы разрешимы принципиально, если в действиях следователя, проявляемых в форме «психологической ловушки» либо «психологической хитрости», будет установлено, что имеет место фальсификация либо что-то подобное, включая обман, и за это по закону должны наступить последствия, предполагающие, во-первых, отмену, отклонение полученного результата, во-вторых, привлечение данного должностного лица к адекватной нарушению ответственности за содеянное.

Форма тактического приема с содержанием без обмана, фальсификации и т.п. имеет право на существование в процессе расследования преступлений. По нашему мнению, целесообразно использовать оба термина – «следственные хитрости» и «психологические ловушки», так как они позволяют более точно отражать содержание тех или иных видов тактических приемов.

1. Абраменкова В.С. Правомерность и допустимость психологического воздействия следователя в процессе получения показаний // Проблемы борьбы с преступностью : тр. Ом. ВШМ МВД СССР и Иркут. ун-та. Омск : Иркутск, 1975. Вып. 5. С. 120–132.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня: злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА: ИМНФА-М, 2001.

3. Белкин Р.С. Следственная ситуация и тактические комбинации // Криминалистика : учеб. для вузов / А.Ф. Волынский, Т.В. Аверьянова, И.Л. Александрова [и др.] ; под ред. А.Ф. Волынского. М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

4. Береский Я.О. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступлений (Процессуальные, тактические, психологические вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Львов. гос. ун-т. М., 1992.

5. Галезник М.В. Вопросы и ответы в теории и практике криминалистики / под ред. И.И. Басецкого. Минск : Тесей, 2004.

6. Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин и др. ; под ред. А.В. Дулова. Минск : НКФ «Экоперспектива», 1996.

7. Образцов В.А. Криминалистика : курс лекций. М. : Право и закон; Юнифир, 1996.

8. Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика // Социалист. законность. 1970. № 10. С. 35–39.

9. Строгович М.С. Судебная этика ее предмет и сущность // Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. М. : Наука, 1974.

10. Филиппов П.В. Шаг к уверенности: рекомендации психолога. Минск : Мин. гор. упр. АСБ «Беларусбанк», 2000.

11. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. 2-е изд., доп. М. : МЗ Пресс, Изд. Воробьев А.В., 2001.
12. Шурухнов Н.Г. Криминалистика : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2002.

УДК 343.

Р.К. Гитинов

СИСТЕМА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Эффективность первоначального этапа расследования определяется прежде всего ситуационно обусловленной и тактически оптимально выстроенной системой следственных действий, проводимых следователем в процессе расследования уголовного дела. Наличие упорядоченной системы следственных действий, по мнению А.Б. Соловьева, имеет большое доказательственно-правовое и организационно-тактическое значение, поскольку при этом учитываются такие системные свойства, как взаимосвязь и взаимообусловленность, позволяющие формулировать условия их оптимального использования и определять тактически правильную последовательность следственных действий в целях полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств преступления [4, с. 41–51]. Именно при задействовании системы следственных действий в расследовании мошенничества в сфере автострахования с максимальной реализацией возможностей отдельных следственных действий следователем в целом закладывается основа для формирования системы доказательственной базы по уголовному делу, характеризующейся единством и целостностью взаимосвязанных и не противоречащих друг другу составляющих ее элементов – всех необходимых доказательств по делу.

Учитывая множественность способов совершения мошенничества в сфере автострахования, следует отметить, что система следственных действий, проводимых по данной категории преступлений, имеет ярко выраженный ситуационный характер, поэтому первоочередной задачей следователя при производстве первоначальных следственных действий является проверка различных взаимоисключающих версий относительно конкретного способа совершения преступления путем установления истинного механизма происшедшего события с одновременным выдвижением и проверкой версий о количестве и личностях преступников (составе преступной группы). Нередко информация о предполагаемом способе совершения преступления, конкретных подозреваемых и иных обстоятельствах преступления поступает в распоряжение следователя по результатам качественно проведенной предварительной проверки, тем самым определяя информационную основу планирования первоначального этапа расследования.

Первоначальный этап расследования мошенничества в сфере автострахования, как правило, начинается с производства допроса представителя страховой компании как потерпевшей стороны (директор, юрист, начальник службы безопасности), в ходе которого должны быть установлены размер материального ущерба, причиненного страховой компании, а также получены данные о предполагаемых участниках преступления и иных обстоятельствах расследуемого события (место, время, предполагаемый способ совершения преступления, кем производилась оценочная экспертиза, каким способом производилась выплата страхового возмещения и др.).

Далее следует произвести выемку материалов страхового дела из страховой компании и материалов административного дела из органов ГИБДД, которая должна производиться в системе первоначальных следственных действий. В то же время при наличии достаточных данных о возможной утечке информации при производстве следователем выемки документов из органов ГИБДД (административные материалы по ДТП, журнал регистрации и учета ДТП) либо их уничтожении, сокрытии и других мерах возможного противодействия расследованию со стороны сотрудников ГИБДД, являющихся участниками преступной группы, тактически целесообразным будет проведение оперативными работниками негласных оперативно-розыскных мероприятий по изъятию соответствующих документов в порядке ст. 15 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности. В дальнейшем в случае подтверждения версии о причастности сотрудников ГИБДД к расследуемому преступлению выемке также подлежат документы, регламентирующие деятельность данных работников, а также определяющие их полномочия и функциональные обязанности, которые должны быть изучены следователем и приобщены к материалам уголовного дела (приказы о назначении данных лиц на конкретные должности, наряды для сотрудников ДПС о закреплении за ними дежурств на конкретном посту и в определенное время, интересующее следствие, должностные инструкции и др.).

После получения всех необходимых документов из страховой компании и органов ГИБДД следователем проводятся различные виды следственного осмотра. Как показывает анализ изучения материалов уголовных дел, по исследуемой категории преступлений проводились следующие виды следственного осмотра: осмотр места происшествия (56 %); осмотр документов (100 %); осмотр транспортных средств (32 %).

Низкое процентное соотношение осмотра места происшествия в сравнении с иными видами следственного осмотра, проводимыми при расследовании мошенничества в сфере автострахования, обусловлено тем, что с момента совершения преступления до его обнаружения, как правило, проходит значительное время, что ведет к частичному или полному исчезновению следов и вещественных доказа-